

ВОСПОМИНАНИЯ

В. П. Седякин

Седякин Владимир Павлович — кандидат технических наук, профессор Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК); E-mail: svp134@mail.ru.

**ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ:
ОТ УЧАСТИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ СТРОЙОТЯДЕ В ГДР
ДО ВЫЛЕТА НА ПОСЛЕДНЕМ САМОЛЕТЕ ИЗ ШПИРЕНБЕРГА**

В мои студенческие годы в МЭИ было довольно много студентов-иностранцев. В основном, из стран социалистического лагеря. Я жил в общежитии и у нас был много болгар, немцев из ГДР, венгров и поляков. Уже в начале 1970-х появилось очень много вьетнамцев, но они держались очень замкнуто, очень плохо осваивали русский язык и практически с ними из русских мало кто общался. А вот с болгарами общение было очень плотное. Человеческая дистанция преодолевалась довольно быстро. Почти также было и с поляками. Несколько хуже было с немцами и венграми. Но зато общение с ними, если уж оно начиналось, было более глубокое и содержательное. Многие студенты из соц. лагеря, как тогда говорили, были не из «простых». Так один из болгар был сыном генерального прокурора Болгарии Вачкова. Но он выделялся не своим сановным происхождением, а удивительной для его возраста мудростью и интеллектом. Еще более интересным персонажем оказался студент из ГДР со сказочной внешностью тролля — Винфрид Майер. Он очень серьезно ухаживал за подружкой моей невесты Любой Маневич и был очень галантен. Так вот галантный «тролль» был секретарем московской парторганизации СЕПГ (правлящей в ГДР компартии)! Надо отдать должное тогдашним руководителям социалистических стран — они были настоящими интернационалистами и поощряли интернациональные браки. И действительно, в МЭИ были обыкновенными браки между русскими и болгарами, венграми и гэдэровцами. Интересно, что случались браки и, так сказать, «внутри соцлагеря» — у нас на курсе поженились болгарин Любомир и венгерка Анна-Мария. Вокруг студентов-иностранцев на первых

курсах, конечно, существовала некая зона отчуждения. Русские относились к ним несколько настороженно. Но к старшим курсам эта зона почти полностью исчезала и устанавливалось довольно комфортное «свойское» общение практически со всеми студентами из стран соцлагеря. За исключением вьетнамцев, но это особая тема и не хотелось бы ее здесь затрагивать. На старших курсах студенты-иностранцы начинали понимать и свое особое значение, которое проявлялось в деятельности «Интерклуба», попасть на балы которого могли лишь немногие.

Безусловно, велась «работа» в отношении иностранных студентов со стороны ректората, парторганизации и, по-видимому, компетентных органов. Работа последних была совершенно незаметна. По крайней мере, для меня как студента-общественника (был два года председателем студсовета общежития). А вот интерес парторганизации был очень заметен, как и внимание ректората, который, например, настаивал, чтобы студенты-иностранцы жили в одной комнате с русскими. И это принималось студентами-иностранцами как полезная мера для овладения русским языком и культурой. Был период в конце 1960-х, когда в МЭИ стали готовить своих студентов для учебы «по обмену» в университетах соцстран. Отобранных кандидатов приглашали сначала на собеседования с проректором по работе с иностранцами, а потом на отдельные занятия с показом кинофильмов из соцстран. В этот период начиналась «Пражская весна», показ кинофильмов предварялся выступлениями «особых» лекторов с очень специфическими речами. Например, один из лекторов рассказывая о нежелательных контактах с

ВОСПОМИНАНИЯ

иностранцами, использовал глагол «профилактировать». Один из студентов, страшно волнуясь, спросил у лектора — «а что имеется в виду — какое наказание?». Ласково улыбаясь, особист-лектор пояснил — речь идет о профилактической беседе... Вздох облегчения пронесся по актовому залу. Но, вероятно, после «Пражской весны» интерес к обмену студентами угас и моя возможная учеба в зарубежном университете не случилась. Хотя случаи учебы по обмену мне известны. В последней поездке в уже ликвидированную в 1990 году ГДР мне несколько дней довелось прожить в бывшем ДСНК (Дом советской культуры и науки) в Берлине. Замдиректора ДСНК был советский выпускник дрезденского университета с великолепным немецким языком, который учился там по обмену в 1970-е годы.

В 1969 году после нескольких необременительных оргмероприятий (собрания и беседы в ректорате и парткоме МЭИ) я был зачислен в интернациональный студенческий стройотряд, который направлялся в ГДР. Это была большая радость, поскольку бывалые студенты рассказывали об интересных возможностях немного поработать и много приобрести, как в материальном, так и в нематериальном отношении. Действительность превзошла все ожидания. Вся моя дальнейшая молодая жизнь проходила под влиянием этой замечательной поездки. Знакомство с удивительной, прямо-таки сказочной социалистической республикой потрясло. Оказывается, совсем рядом с СССР находится почти коммунистическая республика. Контраст в уровне жизни, в бытовом комфорте был поразительным. Да еще и по сравнению с Польшей, через которую мы проезжали на поезде. Польша тогда производила весьма печальное впечатление даже по сравнению с Украиной. Закопченные паровозы на польских железных дорогах, убогие сельские поселки и лошадки в полях и на дорогах. В СССР и ГДР были электрифицированные железные дороги, просторные поля с тракторами и пр. Но в ГДР было значительно лучше: относительное товарное изобилие, чистота и порядок на улицах. Особенно удивляло практическое отсутствие очередей в магазинах. Отноше-

ние населения к русским казалось великолепным: владение русским языком было массовым, учтивость обывателей на улицах была для москвичей удивительной. Даже пожилые мужчины, побывавшие как военнопленные в советских концлагерях, пытались шутливо общаться, извлекая из памяти что-нибудь из русско-концлагерного фольклора (не всегда печатное). Много было людей российско-советского происхождения. Так первой переводчицей при нашем стройотряде была пожилая русская немка, переехавшая на жительство в ГДР с мужем и семьей в 1960-е годы. Интересно, что этот переезд для этой семьи был не первым. Первая попытка была сразу после войны, но тогда им очень не понравилось. А вот спустя десятилетие уже «понравилось». Удивительными были наблюдения этой немолодой русской немки по поводу изменений в произношении восточных немцев. Она говорила, что многие слова с фонемами не шипящими стали произноситься как с шипящими, и связывала эти изменения с англоязычным влиянием. Например, «их» (немецкое Я) стали произносить как «ищ». Вторым переводчиком — уже после переезда из Берлина в Тюрингию — был истинный немец, ранее он был профессиональным переводчиком с английского. Это был очень интеллигентный, тонкого и проницательного ума человек. Он очень интересовался особенностями русского языка — идиомами, фольклором и пр. Говорить с ним было очень интересно, он много рассказывал о германской истории и культуре.

В Тюрингии, где и должен был работать стройотряд, мы сначала приехали в город Ильменау, где и сейчас размещается Высшая техническая школа. С этим вузом у МЭИ были партнерские отношения, сохраняющиеся, как это не удивительно, и до сих пор. Потом по живописнейшей горной железной дороге мы переехали в окружной центр Верхней Тюрингии — небольшой и очень уютный город Зуль. Там и происходила практическая работа стройотряда — на стройке спортивного центра. Работа была несложная и не обременительная. Нас как гостей развлекали местные «товарищи». Были экскурсии в Эрфурт и Дрезден и даже пикник. Запомнилось очень многое. Особенно прораб на

ВОСПОМИНАНИЯ

стройке по фамилии Бисмейн. Это был очень энергичный, спортивный мужчина с привлекательной внешностью. Он не только увлекал нас спортивными мероприятиями вроде футбола — волейбола, однажды он увлек стройотряд на откровенную халтуру. Под этим понималась «левая» работа на стройке у частного хозяина небольшой фабрики бытовых электросветильников, которая была расположена довольно далеко от города. Мелкий бизнес в ГДР был не только в сфере обслуживания, но даже в промышленности. И бизнес этот, если судить по этой фабричке, процветал. За работу по выравниванию двора фабрики, занявшую половину одного выходного, хозяин не только щедро расплатился наличными, но и устроил «сабантуй» с выпивкой и обильной закуской, который продолжился уже вне фабричного двора — по дороге назад, в Зуль. Во главе с Бисмейном все высадились в уединенном горном ресторане. Как-то само собой получилось, что русские студенты стали вместе с немцами петь какие-то песни, раскачиваясь за столами с бокалами пива в чисто немецком, баварско-тирольском стиле. Запомнились буковые леса в окрестностях Зуля, запомнились многие достопримечательности вроде убежища Мартина Лютера на горе около Зуля, в котором он прятался не один год. С этой горы был виден вдали исторический город Виттенберг, в соборе которого провозглашались антикатолические проповеди Мартина Лютера, послужившие началом Реформации. Находился Виттенберг в зоне прямой видимости, но по другую сторону германо-германской границы. Разделённость Германии около границы проявлялась иначе, чем в Берлине. В Берлине из-за стены она казалась нереально-карикатурной. Особенно из-за смотровых площадок с той стороны перегороденных улиц в самом центре города. А в Тюрингии германо-германская граница воспринималась более обыденно и основательно. Казалось, что построена она очень надолго.

В Зуле было много советских рабочих и специалистов, командированных на ту же самую стройку. Чувствовали они себя весьма свободно, у них были даже свои любимые небольшие пивные, где местных зачастую было меньше чем русских.

Характерно, что их отношение к немцам тогда было какое-то снисходительное. Вроде бы не было в нем никакого пренебрежения, но какое-то отношение «старшего товарища» чувствовалось. Отношений между нашей русской группой в стройотряде и соответствующей немецкой группой (отряд-то считался интернациональным) из Ильменау никаких не образовалось. Все остались «при своих интересах». Сблизиться не было времени, да и особого взаимного тяготения не чувствовалось.

Второе знакомство с ГДР пришлось уже на 1988 году. Близился конец сказочной республики. Горбачевская перестройка явно вела к этому. Я был сотрудником советской организации, которая привезла в Берлин выставку учебного оборудования для вузов и школ. Выставка проходила в ДСНК на Фридрихштрассе, рядом с советским посольством. Выставку практически никто не посещал, восточным берлинцам было не до выставок. Они массово двинулись в только, что открывшейся для них, Западный Берлин. Пытались туда ходить и наши сотрудники, хотя это и было запрещено. Обстановка была революционная, вечерами в центре Восточного Берлина бузила молодежь. Энтузиазм по поводу приближавшегося объединения Германии захлестывал основные массы восточно-берлинского населения. Хотя случались курьезные инциденты по поводу объединительного энтузиазма. Западные берлинцы, уставшие от нахлынувших через только что открытые контрольные пункты в Берлинской стене толп восточных берлинцев, стали забрасывать их из окон домов бананами. Для восточных берлинцев бананы были вожделенным продуктом, они буквально расхватывали их. Ведь бананов в ГДР никогда не продавали. Были и драматические инциденты. Далеко не все были охвачены энтузиазмом воссоединения, были и стойкие противники. Они вывешивали из своих окон флаги ГДР. Молодежь забрасывала камнями ночью эти окна, но днем флаги вышивались вновь. Так было на улицах рядом с ДСНК, мы это видели собственными глазами. В СМИ эти инциденты замалчивались. Психологический настрой советских товарищей в Берлине уже был далек от синдрома «старшего товарища». Советские

ВОСПОМИНАНИЯ

товарищи «попроще» бегали по многочисленным распродажам дешевого импорта «из-за стены», а товарищи посolidнее и подальновиднее присматривались к рыночной конъюнктуре и пытались вести переговоры с западными бизнесменами. Готовились к послеперестроечной экономической самостоятельности и лихорадочно заготавливали «стартовый капитал». Надвигающийся с перестройкой развал экономики диктовал именно такое поведение уже в роли «младшего брата». В ГДР еще стояла советская группа войск и у немцев по отношению к перестроечному СССР и советским людям было неоднозначное отношение — «уважительно-разочарованное». Если бы не присутствие группы войск, то эмоции «разочарования» вполне очевидно были бы усилены раздражением по поводу надоевшего бывшего «старшего брата».

Третье знакомство с бывшей ГДР было через два года. Уже было не выставок, было коммерческое предложение закупить дешевые б/у компьютеры и на этом заработать. Западногерманские бизнесмены тянули время, сделка откладывалась и пришлось из гостиницы ДСНК съехать и переселиться на дешевую квартиру в самый советский район Восточного Берлина — Карлхорст, который русские называли «Карловкой». Квартира располагалась в трехэтажном здании, ранее принадлежавшем берлинской бригаде советской группы войск. Ранее в Карловке размещалась не только берлинская бригада, но и многочисленные советские представительства и службы. Размещались там и некоторые таинственные организации, не исключая и относящиеся к знаменитой гэдеровской спецслужбе «Штази» (аналог КГБ). На квартиру заходили русские из числа аборигенов Карловки, которые жили там с давних пор. Самым колоритным был пенсионер (уже федерального общегерманского значения), которого иронически называли «Николяй». Он жил с семьей в своем собственном коттедже и совсем не бедствовал, но был очень критически настроен и по отношению к новым капиталистическим порядкам, и к поведению окружавших его немцев. Рассказы его были захватывающе интересными, что и не удивительно, если принять во внимание факт его родства с

бывшим многолетним заместителем всесильного Эриха Мильке. Второго по государственному значению после Эриха Хонеккера человека в ГДР — бывшего шефа Штази. Николай был зятем этого самого заместителя Э. Мильке, у которого была русская жена в СССР еще до войны. Жена жила с дочерью в Подмоскowie и вовремя войны умерла. Девочка отца не помнила. Она вышла после войны замуж за простого столяра, которым и был Николай. Ставший большим начальником в ГДР отец жены Николая отыскал свою дочь уже в конце 1950-х годов и перевез молодую семью в Восточный Берлин. Николай устроился столяром в хозяйственное управление Штази. Из всех его захватывающих рассказов воспроизведу лишь два. Первый — о том, как почти все взрослое население ГДР оказалось в числе «агентов» Штази. Оказывается затеянный за несколько месяцев до ликвидации ГДР обмен восточногерманских марок на западногерманские был поручен Штази. Эта знаменитая спецслужба и с этой сложной операцией справилась блестяще: большинство граждан ГДР оставило свои подписи в ведомостях Штази за получение обменных денег и, таким образом, оказалось, по крайней мере, в числе лиц, связанных со спецслужбой. Что и послужило основой мифу о том, что все взрослое население ГДР было агентурой Штази. А второй — о том, как трудно признаться в соучастии в массовом энтузиазме. После объединения для большинства восточных берлинцев наступили трудные времена безработицы и невозможности оплачивать счета за коммунальные услуги. Жить в трехкомнатных квартирах им уже оказалось не под силу, многие переехали в однокомнатные. Николай с пристрастием спрашивал своих многочисленных знакомых, которые ему жаловались на жизнь, — «а кто кричал — Гельмут, Гельмут!» (Гельмут — это канцлер объединенной Германии Г. Коль). Все ему отвечали — «Нет, нет, я не кричал!». Никто не признался в соучастии.

Русских пенсионеров, особенно из числа бывших советских военных, в Карловке было множество. Возвращаться на Родину они не помышляли, но вели себя вовсе не как невозвращенцы. Чувствовалась какая-то двойственность в их пове-

ВОСПОМИНАНИЯ

дении. С одной стороны — приниженность и виноватость, а с другой — самодовольство ловкача, провернувшего выгодное дельце по обмену гражданства на обеспеченную старость. Никакого синдрома «старшего брата»! Всякими ловкачами Карловка тогда изобиловала. С их помощью удалось, так и не заключив контракта, вернуться в Москву даже без авиабилета. За время бесполезного ожидания авиабилет уже был просрочен, но хуже того — виза закончилась. Удалось вылететь из знаменитого Шпиренберга — главного и гигантских размеров аэродрома советской группы войск, вывод которой еще был не завершен. Шпиренберг производил впечатление еще более удивительное, чем Карловка. К самым его воротам подкатывались автомобили советских марок в отличном состоянии без номеров, но со всеми документами. Их там оставляли немцы, пытавшиеся по разным причинам избавиться от уже ненужных им советских авто. Их надежды вполне оправдывали наши военные летчики, переправлявшие автомобили в Россию. Были и другие чудеса с огромной коммерческой отдачей. В этом Клондайке первичного накопления капитала царствовали неприкрытая алчность с российской стороны и покровительственная снисходительность — с немецкой.